

Цзян Цзибай пробирался сквозь клубы тумана, оглядываясь по сторонам и надрывая горло:

— Вэнь Бай!

— Вэнь Бай, я здесь!

— Да куда же ты подевался, Вэнь Бай?!

Внезапно его острый взгляд зацепился за струйку серого дыма, поднимавшуюся к самому потолку. Он ловко вспрыгнул на балку и обнаружил там спрятанную курильницу.

«Так вот оно что...»

Цзибай окинул взглядом потолочные перекрытия. Подобные чаши стояли вдоль всех несущих балок — должно быть, именно так злоумышленники и заполнили усадьбу ядовитым угаром.

Наспех прикрыв нос и рот широким рукавом, он принялся сбрасывать тлеющие курильницы прямо в храмовый пруд. Раздалось шипение, над водой поднялся густой пар. Цзибай двинулся дальше, выискивая глазами новые чаши и попутно выкликая друга.

Вокруг воцарилась зловещая тишина. Сквозь безмолвие заброшенной галереи донеслось тяжелое, надсадное хрипение. Цзибай затаил дыхание, прислушиваясь, и пошел на звук. В самом тупике полуразрушенного коридора он наконец увидел Вэнь Бая. Тот сидел на полу, забившись в угол и сжавшись в комок.

«Куда только девалась вся твоя спесь?» — не без ехидства подумал он.

В другой раз Цзибай непременно отыскал бы кисть с бумагой, чтобы запечатлеть это жалкое зрелище на память — пусть бы этот гордец полюбовался на себя.

Наследник подошел ближе и окликнул его:

— Вэнь Бай. Я обыскался тебя...

Вэнь Бай резко распахнул глаза. Не поднимаясь, он в ужасе отшатнулся и забился глубже в угол.

— Не прикасайся ко мне! — хрипло выкрикнул он.

Цзибай онемел от такого приема.

«Тоже мне, недотрога...»

Он сделал еще шаг и протянул руку, намереваясь легонько потрепать друга по макушке, но Вэнь Бай вдруг зажмурился и покорно склонил голову, словно безвольная жертва перед плахой.

Рука Цзибая неловко застыла в воздухе.

Вэнь Бая схватили первым, и он успел наглотаться дурмана куда больше остальных. Сейчас перед его затуманенным взглядом стоял вовсе не верный товарищ, а жуткий призрак, упорно тянущий к нему когти.

Заметив слева комнату с уцелевшими окнами и дверями, где воздух наверняка был чище, Цзибай бесцеремонно сгреб Вэнь Бая за шиворот и поволок внутрь. Тот задержался и отчаянно завопил:

— А-а-а! Отпусти! Отпусти меня, тварь!

— Помогите! Спасите!

— Матушка моя, спаси-и-и!

«Какая еще матушка? — раздраженно подумал Цзибай. — Я сам только что от собственной матери чуть инфаркт не получил»

Стоило захлопнуть за собой дверь, как Вэнь Бай заверещал с новой силой, словно его живьем резали. Потеряв всякое терпение, Цзибай развернулся и без лишних слов заехал ему кулаком по лицу:

— Заткнись ты уже! Тошно слушать!

Удар мгновенно оборвал крик. Вэнь Бай замер, ошалело хлопая глазами.

«Надо привести тебя в чувство» — мысленно оправдался Цзибай и, не мудрствуя лукаво, добавил еще раз.

Вэнь Бай даже не шелохнулся. Он лишь тупо уставился на обидчика, вяло соображая, почему так нещадно горит щека.

«Тишина. Метод-то рабочий»

Почувяв успех, Цзибай крепко схватил его за воротник и принялся щедро отвешивать ему пощечину за пощечиной.

«Видит небо, я делаю это исключительно ради твоего блага!» — мысленно божился он, пока ладонь с хлестким стуком раз за разом опускалась на скулу друга.

Хлесткие удары звонким эхом разлетались по комнате. Когда рука Цзибая окончательно занемела, в полубезумном взоре Вэнь Бая наконец промелькнул проблеск разума.

— Цзян... Цзян Цзибай? — хрипло выдавил он.

Вэнь Бай поморщился: каждое слово отдавалось резкой болью в разбитом лице. Но увлекшийся спаситель не заметил, что подопечный пришел в себя. Прежде чем Цзибай успел остановиться, его ладонь по инерции в последний раз припечатала чужую щеку.

Шлепок вышел на редкость звонким и сочным.

Вэнь Бай ошалел окончательно. Осознание реальности накрыло его лавиной гнева. В мгновение ока он взвился на ноги и с яростным ревом набросился на друга:

— Ах ты скотина! Драться вздумал?!

Повалив Цзибая на пыльный пол, он принялся осыпать его градом ударов.

От такой наглости наследник растерялся и пропустил несколько крепких тумачков. Закрывая лицо одной рукой, он изловчился, ухватил разбушевавшегося приятеля за ворот и мощным толчком опрокинул под себя.

— Да ты совсем сбрендил, ублюдок?! — рявкнул Цзибай, тяжело дыша. — Я его, понимаешь, спасаю, а он еще и дерется!

Некоторое время они яростно барахтались на полу, поднимая тучи вековой пыли. Однако силы были равны недолго: изнуренный галлюцинациями, беготней и криками Вэнь Бай быстро выдохся. Очень скоро Цзибай подмял его под себя и жестко прижал лицом к грязным доскам, заламывая руку за спину.

— А-а-а-а! — взвыл Вэнь Бай. — Пусти, гад! Руку ломаешь!

— Так тебе и надо, — буркнул Цзибай, наконец отпуская его.

Тяжело дыша, он без сил развалился прямо на полу, бесцеремонно вытянув ноги. В этот миг в

нем трудно было признать благородного наследника князя Юйсянь.

Вэнь Бай с трудом отполз к столу и прислонился спиной к его резной ножке. В заброшенном помещении годами не убирались, так что оба парня с ног до головы покрылись серой пылью. Вэнь Бай выглядел особенно жалко: волосы растрепались, парадный халат превратился в пыльное рваньё, зияющее прорехами.

Они молча воззрились друг на друга, оценивая масштаб катастрофы, а мгновение спустя покатались со смеху.

Смахнув набежавшую от смеха слезу, Вэнь Бай хотел было что-то сказать, но не успел приоткрыть рот, как Цзибай ловким движением забросил ему туда нечто круглое и ледяное.

Вэнь Бай удивленно покатал языком гостинец:

— Мятный леденец?

— Угу, — отозвался Цзибай, пытаясь пригладить растрепанную шевелюру. — Чтобы в себя пришел быстрее.

Перекатив леденец за щеку, Вэнь Бай хмыкнул:

— С таким успехом мог бы еще разок мне врезать.

Цзибай тут же занес ладонь, с самым серьезным видом проведя:

— Всегда рад помочь.

— Эй-эй, поосторожнее! — Вэнь Бай испуганно закрылся руками. — Мое безупречное личико больше не вынесет твоих оздоровительных процедур.

— Несносный придурок, — беззлобно отмахнулся Цзибай, стряхивая пыль с разорванных рукавов.

Вэнь Бай прыснул, но смех тут же прервался глухим стоном — потревоженные раны отозвались острой болью. Осторожно коснувшись пальцами распухшей щеки, он плаксиво протянул:

— Изверг. Мне вообще-то чертовски больно.

— Жалуется он еще, — проворчал Цзибай, разминая затекшие пальцы. — У меня вон ладонь до сих пор гудит.

Вэнь Бай постарался сохранить каменное выражение лица, чтобышний раз не кривиться:

— К слову... как ты здесь оказался?

Цзибай вкратце обрисовал ему всю картину с ядовитым дымом и наваждением.

Вэнь Бай озадаченно почесал затылок:

— Неужели морок? Да быть не может... Все казалось до жути настоящим.

— Настоящим?! Да ты там такое представление устроил — всю резиденцию герцога Чжаоюань опозорил на век вперед! — хмыкнул Цзибай, откровенно забавляясь. — Слава богам, стража сама под кайфом была. Будь они в своем уме, твой братец Вэнь Сюань собственноручно прибил бы тебя прямо на месте.

Вэнь Бай смущенно взъерошил и без того растрепанные волосы:

— П-правда? Так плохо все было?

— Не веришь — у брата спроси, — усмехнулся наследник.

Вэнь Бай прищурился, и в его глазах блеснул лукавый огонек:

— Погоди-ка. Раз морок действовал на всех, выходит, и ты узрел свой самый жуткий кошмар?

Лицо Цзибая мгновенно окаменело.

— Это еще к чему? — буркнул он, отводя взгляд.

— Ага! — обрадовался Вэнь Бай и пододвинулся ближе, заглядывая другу в лицо. — Дай-ка угадаю... Жуки? Мерзкие, скользкие твари, я прав?!

Первым делом Цзибай хотел привычно схватить наглеца за ухо или ущипнуть за щеку, но, вовремя вспомнив о его побоях, передумал. Вместо этого он бесцеремонно обхватил пальцами его подбородок и сердито тряхнул:

— Уймись, пустозвон. Во-первых, мне было не страшно, а просто противно. Во-вторых, я, в отличие от некоторых, не визжал и не носился по двору как оглашенный.

Вэнь Бай недовольно шлепнул его по руке, высвобождаясь, обиженно фыркнул и отвернулся.

Наступила недолгая пауза. Цзибай пристально посмотрел на друга, борясь с нерешительностью:

— Вэнь Бай...

— Чего еще?

— Ты там, во дворе... звал матушку, — мягко произнес Цзибай.

Вэнь Бай поерзал, устраиваясь поудобнее у ножки стола, и бросил нарочито небрежным тоном:

— Подумаешь. Каждому в минуту страха хочется к маме, дело житейское.

— Нет, дело не в этом, — покачал головой наследник, не сводя с него серьезного взгляда. — Ты не просто искал защиты. Ты был в ужасе. Ты... словно молил о пощаде.

Вэнь Бай промолчал, опустив глаза.

— Мы дружим больше десяти лет, — продолжил Цзибай. — Но ты ни разу не рассказывал о том, как жил до того, как тебя привезли в резиденцию герцога Чжаоюань. И о своей матери... ты никогда не упоминал.

— Так ты и не спрашивал никогда, — беззлобно буркнул Вэнь Бай. — Тоже мне, названный брат. Никакого внимания к моей скромной персоне.

— Хорошо, тогда я спрашиваю сейчас, — прямо ответил Цзибай.

Поняв, что уйти от ответа не так-то просто, Вэнь Бай попытался перевести все в шутку. Он натянуто улыбнулся:

— Да брось, дела давно минувших дней. Кто вообще помнит, что там было в детстве?

Цзибай лишь молча смотрел на него, и в этом взгляде не было привычной насмешки. Поняв, что берedit старые раны, наследник решил не неволить его.

— Ладно, не хочешь — не надо, — примирительно сказал он, поднимаясь на ноги. — Отдохни пока, а я пойду разведая, как там дела снаружи.

Но едва он сделал шаг, как пальцы Вэнь Бая крепко вцепились в его широкий рукав. Цзибай опустил голову и встретился взглядом с другом. На разбитом лице того блуждала странная, горькая усмешка:

— Действительно хочешь знать?

Цзибай помедлил секунду и снова опустился на пыльный пол рядом с ним:

— Хочу. Рассказывай.

Матерью Вэнь Бая была Юэ-цзи — в свое время первая красавица и самая известная куртизанка в веселых кварталах Тяньюаня.

Герцог Вэнь Союй, очарованный ею, не постоял за цену: выкупил ее за баснословные деньги и поселил в уединенном загородном поместье. Но стоило законной супруге герцога прознать об этом, как разразилась буря. Герцогиня устраивала невыносимые сцены мужу и всеми силами изводила его новую пассию. Будучи дочерью Великого генерала Хуайюань Чан Жу, она имела за спиной слишком мощную опору, и Вэнь Союй просто не смел перечить влиятельной родне. В конце концов ему пришлось уступить и отослать Юэ-цзи еще дальше, скрыв ее от глаз разгневанной жены.

Спустя время Юэ-цзи забеременела. Узнав об этом, раздобревшая душой герцогиня выдвинула условие: если соперница разродится дочерью, ей позволят войти в резиденцию герцога Чжаоюань на правах наложницы.

Бедная женщина буквально молилась на этот шанс, грезил будущим величием и роскошной жизнью во дворе. Увы, судьба распорядилась иначе: на свет появился мальчик. Мечты Юэ-цзи пошли прахом. Обида душила ее, но поделать она ничего не могла.

Герцогиня наотрез запретила мужу высылать сыну и его матери хоть медную монету. Возвращаться в публичный дом опустившаяся куртизанка не пожелала: вместо этого она, стиснув зубы, перебивалась случайными заработками, стирая чужое белье за гроши. Так они с маленьким Вэнь Баем едва сводили концы с концами.

Первое время по негласному приказу разгневанной герцогини никто в округе не смел давать Юэ-цзи даже черной работы. Доведенная до отчаяния голодом, женщина была вынуждена вновь тайно торговать собой. Лишь когда ветреный герцог Вэнь Союй увлекся очередной новой пассией, ревнивая супруга наконец ослабила хватку и оставила несчастную в покое.

По мере того как подрастал маленький Вэнь Бай, Юэ-цзи все сильнее стыдилась своего ремесла. Боясь, что однажды сын возненавидит ее, узнав правду, она забрала его и сбежала в глухую деревушку неподалеку. Но шила в мешке не утаишь: слухи о ее позорном прошлом вскоре докатились и до захолустья.

Местные ребятишки стали сторониться Вэнь Бая, а со временем принялись и вовсе травить беззащитного полукровка. Стоило Юэ-цзи завидеть, как над ее сыном издеваются, она фурией набрасывалась на обидчиков, осыпая их проклятиями:

— Паршивцы недоношенные! Мать родила, а ума не дала?! Только и умеете, что на сирот нападать! Что же вы к барчукам богатым не лезете, ублюдки?!

Но стоило детворе разбежаться, как весь ее гнев обрушивался на собственное дитя. Указывая пальцем на рыдающего в пыли Вэнь Бая, она в ярости кричала:

— Слизняк малолетний! Чего развылся?! Мать твоя — потаскуха, и ты туда же, только сырость разводишь! Кому ты тут нужен, чтобы сопли тебе вытирать?! Заткнись сейчас же! Живо спрячь слезы! Они хотят видеть твои рыдания, а ты улыбайся назло всем! Улыбайся, кому говорю! Слышишь меня?! А ну замолчи, щенок!

В запале она хватала первую попавшуюся под руку хворостину и принималась нещадно околачивать мальчика. Малыш, которому тогда едва исполнилось три года, замирал от страха и не смел даже пошевелиться.

«Она действительно меня ненавидит»

Именно тогда, сквозь боль от ударов, в его детское сердечко закралась горькая уверенность в нелюбви матери.

Но стоило гневу утихнуть, как Юэ-цзи бросала прут, прижимала избитого, покрытого ссадинами сына к груди и заходила в безутешных рыданиях:

— Сяо Хань... сыночек мой... Да разве ж я со зла? Кабы знал ты, как у мамы сердце кровью обливается! Ну почему, почему ты не родился девочкой?! Будь ты девчонкой, мы бы сейчас в шелках ходили, горя бы не знали!..

И так повторялось из раза в раз. Она грудью стояла за сына перед чужаками, но стоило ночи опуститься на их лачугу, как она сама срывала на нем злость. Терзала его упреками и побоями, а выплавав всю злобу, часами баюкала израненное дитя, захлебываясь слезами раскаяния.

Страшась, что мальчику причинят вред, Юэ-цзи запрещала ему выходить со двора. Чтобы удержать сына от побегов на улицу, она без конца пугала его жуткими сказками о нечисти и лесных людоедах. Уходя по ночам на заработки, она запирала хлипкую дверь на тяжелый засов.

Оставшись один в крошечной тьме, маленький Вэнь Бай вздрагивал от каждого шороха и завывания ветра за окном. Он с головой кутался в пахнущее сыростью и плесенью одеяльце, боясь пошевелиться. От ужаса он не смел даже спуститься на пол, чтобы справить нужду, а когда под утро не выдерживал и мочился прямо под себя, на следующий день его неизбежно ждала очередная жестокая порка.

Время шло, мальчик подрос и стал понемногу помогать матери по хозяйству. Когда ему

исполнилось пять, он решил сам развести очаг и согреть воду к ее приходу. Не удержав тяжелый чугунок, он опрокинул его прямо на себя — кипяток хлынул на левое предплечье, мгновенно вздуваясь уродливыми пузырями.

Услышав грохот, в хижину испуганно прибежала старая соседка. Глазам ее предстала жуткая картина: пятилетний ребенок сидел на холодном полу среди пара и пролитой воды. Он не кричал, не звал на помощь. Лишь тихо баюкал обожженную руку и, заведя вошедшую старуху, безмолвно, через силу ей улыбнулся.

Обомлев от ужаса, старуха поспешно подхватила мальчика на руки и унесла к себе, чтобы смазать ожоги целебной мазью.

Когда же вернулась Юэ-цзи и узнала о случившемся, она первым делом с размаху влепила сыну звонкую пощечину.

— Опять без спросу лезешь куда не просят?! — в сердцах прикрикнула она.

— Матушка, прости... — прошептал Вэнь Бай, глотая слезы стыда и вины. — Прости меня, пожалуйста.

«Прости, что родился мальчиком. Прости, что приношу одни лишь несчастья»

Вся ярость Юэ-цзи мгновенно испарилась. Она застыла как вкопанная, потерянно глядя на покорного ребенка.

— Да как у тебя рука поднимается?! — грозно прикрикнула соседка, загораживая собой мальчика. — Дитя из сил выбивалось, ужин тебе готовил! Да какая ты после этого мать?!

Ни слова не говоря, Юэ-цзи сгребла Вэнь Бая в охапку и шагнула за порог.

— Старая карга! — злобно огрызнулась она уже с улицы. — Не суй нос в чужую семью, без тебя разберемся!

Старуха только и смогла, что всплеснуть руками от такого бесстыдства.

Той же ночью у израненного Вэнь Бая начался сильнейший жар. Перепуганная Юэ-цзи спеленала бьющегося в бреду сына в одеяло и бросилась бегом по ночной дороге в Тяньюань. Добравшись до дома городского лекаря, она упала на колени перед закрытой дверью и забилась в рыданиях:

— Господин лекарь! Умоляю, спасите моего мальчика! Смилуйтесь... Любую плату отдам, сделайте со мной все, что пожелаете, только спасите его!

Почти до самого рассвета она иступленно молила о пощаде, разбивая лоб о каменные плиты крыльца, пока заспанный старик наконец не отворил двери.

Именно тогда, сквозь пелену тяжелого лихорадочного сна, маленький Вэнь Бай впервые в жизни почувствовал, какими теплыми могут быть материнские объятия.

<http://bllate.org/book/19392/1951540>